

но выбор их у лингвистов, историков и литературоведов не будет совпадать (здесь, кстати, намечаются различия и между историками и литературоведами: последних будет, например, интересовать стиль произведения, и они будут выбирать разночтения, характеризующие этот стиль). Требовательного лингвиста, конечно, никакие разночтения не удовлетворят, так как в них невозможно отмечать все особенности орфографии, титла, выносные буквы и пр. Лингвист потребует для своих целей издания каждого списка отдельно и будет прав.

4. Нельзя думать, что самое прочтение рукописи, выполненное историком и литературоведом, сможет удовлетворить лингвиста. Ведь прочтение рукописи есть уже, до известной степени, ее истолкование. Это особенно ярко проявляется в расстановке знаков препинания, но касается также раскрытия титла, внесения в строку выносных букв, раскрытия сокращений (окончаний «ся» и «сь», «ь» в середине слова и т. д.), а особенно — разделения текста на слова. Бывают и обратные случаи, когда прочтения текста рукописи лингвистом не удовлетворяют историка, когда историк может со своей точки зрения точнее прочесть текст, чем лингвист, точнее его реконструировать. Иными словами, историк не может готовить издания для лингвистов, лингвист же для историков — на данном этапе изучения памятников это утопия. Издание Лаврентьевской летописи Е. Ф. Карским, с точки зрения лингвистов, выполнено превосходно, с точки же зрения историков и литературоведов, оно выполнено плохо (Е. Ф. Карский соединил различные памятники)³. Вот почему А. А. Шахматов поступил правильно, издавая Симеоновскую летопись, Ермолинскую и пр. только для историков. Для лингвистов их следовало бы издать иначе. Напомню, что и некоторые советские историки, надеявшиеся своими изданиями удовлетворить лингвистов, ошиблись в своих ожиданиях.⁴ Даже если бы превосходные лингвисты и историки объединили свои усилия при издании памятников, — все равно при совместной подготовке текста к изданию им пришлось бы встать либо на точку зрения лингвиста и издавать для лингвистов, либо стремиться удовлетворить потребности историков, как это и делал в своих изданиях А. А. Шахматов, каждый раз точно имевший в виду конкретного адресата. Одним словом, научные издания, как нам кажется, могут быть только целенаправленными. Только в очень простых случаях (короткий памятник в одном или двух списках) можно вести работу по подготовке издания, учитывая сразу интересы нескольких наук.

Можно было бы привести и еще ряд соображений в пользу того, что издания, предназначенные для историков и литературоведов, и издания для лингвистов не должны смешиваться, но думаю, что и сказанного достаточно.

И. Даньгелка

(Оломоуц)

Вопрос об издании древних литературных памятников или документов архивного характера необходимо всегда рассматривать и решать с точки зрения цели издания. Целью издания определяется его тип. Для каждого типа издания однако остается в силе принцип, что подготовка изданий должна всегда удовлетворять научным требованиям; каждое издание древнего памятника должно быть научным — и в том случае, когда он не служит исключительно научным целям. Проблема типа издания касается всех четырех составных частей издания: текста, критического аппарата к нему, пояснений языковых и вещественных, словаря. Рассмотрим далее отдельные типы изданий, которые, судя по опыту, оправдали себя, и охарактеризуем на их примере вопрос о выборе того или другого типа, принимая во внимание специфику чешских условий.

Всеобщий принцип научности каждого издания древнего памятника имеет и свою филологическую сторону. С точки зрения филологической не может быть разницы в обработке текста памятника для изданий, служащих исследованию филологическому, историко-литературному или историческому, а также изданий для более широкого круга заинтересованных читателей. Поскольку в популярном издании дается памятник (чаще всего, конечно, литературный) в первоначальном языковом оформлении, то текст его должен быть обработан по научным принципам, как и в издании специальном. В специальных изданиях не может быть разницы в издательских правилах для изданий исторических, историко-литературных и филологических: только узкий круг специальных филологических изданий имеет некоторые свои специфические проблемы, которых мы коснемся далее. Надо предполагать, что специальному филологическому исследованию лучше всего соответствует непосредственная работа по рукописям или хотя бы по репродукциям. Каждая транслитерация, а тем более каждая транскрипция, является всегда уже интерпретацией. Печатный текст, кроме того, не может быть основой для изучения некоторых специальных вопросов, особенно тех, которые касаются соотношения звуков и графических знаков. Итак, одним из главных вопросов эдиционной техники (обработки текста) является вопрос об отношении орфографической системы древней записи памятника к орфографической системе его нынешнего издания.

³ М. Д. П р и с е л к о в. История рукописи Лаврентьевской летописи и ее изданий, «Уч. зап. Государственного пединститута им. Герцена». Л., 1939, т. 19, стр. 183.

⁴ Ср., например, издание: «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.», М.—Л., Изд. Ин-та истории АН СССР, 1950.